

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕРЕВООБРАБАТЫВАЮЩИЕ ПРОМЫСЛЫ И СОСТОЯНИЕ ЛЕСОВ ЗАУРАЛЬЯ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

XVIII — первой половине XIX вв. первое место среди крестьянских кустарных промыслов в Зауралье как по распространенности и количеству занятых рук, так и по объемам производства и товарному выходу принадлежало деревообработке и другим промыслам с использованием древесины в качестве сырья. Именно в деревообработке уже в XVIII в. в деревне сложились «оптовые производства». Правда, по свидетельству специалистов, есть только разрозненные и не отличающиеся большой точностью данные об объемах этих производств. Так, в Липчинской волости Тюменского уезда, 615 работников изготовили в 1815 г. 750 дровней и 1200 саней¹. Только Тюмень в середине XIX в. для проходивших через нее обозов выставяла до 50 тыс. саней и телег в год².

Именно сельская деревообработка, в отличие от городской, где преобладало токарное производство, была ориентирована на наиболее материалоемкую продукцию. К концу периода главными центрами деревообработки в крае были Верхотурский, Тюменский, Тобольский уезды. Здесь в больших количествах изготавливались как «про свой обиход», так и на продажу различные изделия из дерева. Выделялось в деревообработке «крестьянское судостроение» как по сложности и масштабности производства, так и по объемам потреблявшегося на постройку судов леса. Различные торговые и казенные перевозки требовали много речных судов. Из крупных судов строились: дощаники, струги, барки, наuzzi³. В Тобольском и Тюменском округах судостроительный промысел был хорошо развит. В меньшей степени — в Ишимском, Ялуторовском и Курганском округах⁴. «Крестьянс-

кие верфи» могли действовать длительное время, а могли возникать на непродолжительный срок в связи с благоприятной конъюнктурой. Суда строились из лиственничного, соснового и кедрового леса. Повсеместно во всей полосе региона крестьяне занимались производством смолы, дегтя, в районах, где росла липа, «драли» липовое лыко. Много заготавливалось дубильного материала — талового, ивового и хвойного корья. В производстве смолы и «вара» наибольших результатов к концу рассматриваемого периода добились крестьяне Тюменского уезда. Тюменский уезд производил дегтя, смолы и «вара» на сумму до 50 тыс. рублей серебром ежегодно. В одной Тавдинской волости смолы и дегтя выделявали до 5 тыс. «сороковых бочек» ежегодно⁵.

Вообще Тюменский уезд по объемам крестьянской деревообрабатывающей промышленности стоял на первом месте во всей Западной Сибири. Местные крестьяне производили различных «деревянных» изделий на сумму «по меньшей мере» в 100 тыс. рублей серебром в год. Изделия тюменских умельцев можно было увидеть в Пермской и Оренбургской губерниях, в Киргизской степи и в Восточной Сибири⁶.

Дегтярный и смолокурный промыслы потребляли огромное количество леса. Выгонка дегтя и смолы производились ямным способом, предполагавшим расход большого количества сырья. Материалоемкость дегтярного и смолокурного промыслов усугублялась тем обстоятельством, что еще во второй половине XIX в. в Сибири, в отличие от Европейской России, где в дело шли пни, корни и корье, на эти цели употреблялся как правило годный лес⁷. Много дубильных материалов требовала хорошо развитая кожевенная промышленность региона, но особенно сильное давление испытывали липовые рощи, поскольку липового леса в крае было не много. Липовый лубок заготавливали в основном весной, когда размягченная соком кора легко отделялась от ствола. На коре срубленного дерева делались надрезы, затем ее сдирали руками. В день один промышленник мог снять до 100 лубков. Сплошными рощами липа росла в трех округах Западной Сибири — Тобольском, Тюменском и Тарском. Отсюда в 50-х годах XIX в. только на Ирбитскую ярмарку привозилось различных рогож до 200 тыс. штук, до 50 тыс. «различных коробьев, целые обозы всевозможной толщины и длины веревок».

Стоимость «лубочного, лычного и мочального товаров», производившихся в означенных округах, доходила до одного миллиона рублей серебром ежегодно⁸.

Но самым ходовым деревом была береза. Из нее изготовлялась основная масса потребных в крестьянском хозяйстве деревянных вещей и хозяйственных приспособлений. Из березы же выгоняли деготь, выжигали древесный уголь. В знаменитом на всю Западную Сибирь и даже за ее пределами центре ковроткачества, с. Кулаково Тюменского уезда, для обработки коровьей шерсти использовался березовый щелок⁹.

В Зауралье крестьяне занимались заготовкой дровяного и строевого леса в качестве развитого промысла. Так в 1861 г. в Тюменском округе лесом торговали крестьяне Фоминской волости «в виде теса и дров». Из тюменских лесов по южной границе с Ялуторовским округом строевой лес вывозился в Ялуторовский и Курганский округа. Из волостей, располагавшихся по течению реки Тавды, крестьяне сплавляли строевой лес (плахи, тес), дрова и проч. в Тобольск¹⁰. В свою очередь в городе Тюмени получали лес из Туринского округа, где его заготовкой занимались местные крестьяне. «Количество строевого леса, сплавляемого по реке Туре из волостей, по ней расположенных, и преимущественно из Жуковской и Благовещенской, определяется примерно, самими крестьянами от 60-ти до 70-ти тысяч дерев..., а сплавляемый в г. Тобольск, по реке Тавде из волостей Табаринской и Кошутской, в количестве до 30-ти тысяч дерев ежегодно... Другая важная река по сплаву лесов в Туринском округе Тавда... По реке Вагаю леса и преимущественно дрова сплавляются в г. Тобольск. Леса в южной части округа служат только для удовлетворения местных потребностей... Вообще в Тобольском округе за удовлетворением местного населения... леса имеют только сбыт в г. Тобольск и при том только те, которые находятся вблизи города и расположены ниже его по Иртышу и Вагаю, строевой же лес г. Тобольск получает из Туринского округа сплавом по рекам Тавде и Тоболу...»¹¹. Заготовка леса в Зауралье стимулировалась не только собственными потребностями края. На протяжении всего периода большое количество леса вывозилось в соседние, уже в немалой степени обезлесенные губернии, Пермскую

и Оренбургскую. Самым крупным внешним «потребителем» зауральского леса был Челябинский уезд. Здесь леса были сведены давно, а оставшиеся находились в собственности заводов. Поэтому челябинские крестьяне не только охотно покупали лес и платили «весьма ценную плату», но и не менее охотно занимались самовольными порубками в основном в примыкавшем к границе уезда Илецком бору¹².

Уже Георги писал об истощении лесов южной полосы региона и связанным с этим недостатком лесных материалов. В Маслянскую слободу Исетской провинции строевой лес доставляли за 100 верст. К Исетскому острогу лес подвозили из массивов, располагавшихся в 50 верстах от него. Отметил Георги и то, что дрова в Исетской провинции были постоянной проблемой¹³. П.С.Паллас высказывал опасение за судьбу Уковского бора, находившегося в черте Шадринского и Ялуторовского округов. Начинался бор сразу за слободой Сунгуровой и тянулся почти до устья реки Тобола, его ширина составляла от 5 до 20 верст. По мнению Палласа, бор подвергался неумеренным рубкам, в особенности, в окрестностях Уковского винокуренного завода¹⁴. На недостаток лесов в западной части Шадринского округа и на его «прежде бывшее здесь изобилие» обращал внимание Географического общества в начале 50-х гг. XIX в. Т.Успенский¹⁵.

Еще интенсивнее чем сведение лесов, по-видимому, шел процесс их видовой деградации. Крестьянские промыслы вели порой к полному исчезновению эксплуатируемого вида древесной растительности. Так, к 1861 г. в волостях Тобольской губернии, располагавшихся по реке Тавде, оказалось вырубленной практически вся липа, ранее произраставшая здесь в изобилии¹⁶. Та же судьба постигла липовые рощи тюменских подгородных волостей¹⁷. Дуб в Зауралье реликтовое дерево и встречался крайне редко, но и это обстоятельство не мешало крестьянам заниматься заготовкой дубового корья¹⁸. Специализация тюменского крестьянства на изготовлении мебели к концу рассматриваемого периода поставила на грань исчезновения редкие виды деревьев: «черную березу», «корельчатую березу», уникальное «мозжевеловое дерево», достигавшее «5 сажень высоты и до 4-х вершков толщины»¹⁹. Еще Лепехин заметил, что на месте порубок «красные» (хвойные) леса на Урале и в Сибири постепенно замещаются лиственными²⁰.

Однако деревообрабатывающие промыслы не были единственной причиной уменьшения лесов в Зауралье. Много леса гибло в пожарах, вызванных неосторожным применением огня в крестьянском

хозяйстве и быту. Особенно большой ущерб лесам наносили так называемые «палы» — обработка огнем покосов и других угодий с целью повышения их продуктивности²¹. Кроме того, лес в большом количестве шел на уголь для металлургической промышленности Урала, а также сводился аборигенам²².

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Копылов Д.И. Обработывающая промышленность Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX вв. Свердловск, 1973. С.207, 213.
- ² Колмагоров. Очерк лесов и лесных промыслов Северо-Западной Сибири //ЖМВД. 1856. Ч.16. От.3. С.34.
- ³ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С.207 — 208, 213 — 214, 217.
- ⁴ Колмагоров. Очерк лесов... С.35; РГИА. Ф.387. Оп.2. Д.10950. Л.72об.
- ⁵ Из Тары //ТГВ. 1857. №10. С.76.
- ⁶ Колмагоров. Очерк лесов... С.33 — 35.
- ⁷ Бочарова Г.А. Промысловое освоение Сибири в конце XIX — начале XX вв. (вопросы экологии) // Земледельческое освоение Сибири в конце XVII — начале XX вв. Новосибирск, 1985. С.135.; Левитов И. Одно из частично-владельческих хозяйств в Западной Сибири // Сельское хозяйство и лесоводство. СПб., 1893. Май. Ч.СХХIII. С.48.
- ⁸ Бочарова Г.А. Промысловое освоение Сибири... С.39, 40, 134.
- ⁹ Записки путешествия академика Лепехина // Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1822. Т.5. С.39.
- ¹⁰ РГИА. Ф.387. Оп.2. Д.10950. Л.167.
- ¹¹ Там же. Ф.1265. Оп.10. Д.188. Л.48 об., 51 об. — 54, 56, 57 — 57об., 58 об., 59 об., 60 — 60 об.
- ¹² Там же. Ф.379. Оп.4. Д.2286. Л.1, 3, 53.
- ¹³ Георги И.И. Описание всех обитаемых в Российском государстве народов... СПб., 1799. Ч.3. С.126.
- ¹⁴ Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. СПб., 1786. Ч.2. Кн.2. С.73 — 75.
- ¹⁵ См.: Зеленин Д.К. Описание рукописей ученого архива Русского географического общества. Пг., 1916. Вып.3. С.1006.
- ¹⁶ РГИА. Ф.1265. Оп.10. Д.188. Л.48 — 48 об.
- ¹⁷ Завалишин И. Описание Западной Сибири. М., 1862. Т.1. С.231.

- ¹⁸ Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Ч.1. С.259.
- ¹⁹ РГИА. Ф.387 Оп.2. Д.10950. Л.167; Корнилов. Прибавления к замечаниям о Сибири. СПб., 1829. С.23.
- ²⁰ Записки путешествия академика Лепехина. С.75 — 76.
- ²¹ Туров С.В. Применение огня в хозяйственном быту русских крестьян Западной Сибири в XVII — перв. пол. XIX вв. // Духовная культура Сибири (проблемы межнациональных связей, философии, филологии и истории). Тюмень, 1994. С.87 — 89.
- ²² Миненко Н.А. Экологические знания и опыт природопользования крестьян Сибири в XVIII — первой пол. XIX вв. Новосибирск, 1991. С.170.

Г.Н. Чагин

ПУДЬВИНСКАЯ ЛАВРА

удьва — приток Меля, впадающего в Язьву-реку, и деревня на берегу одноименной реки, основанная в первой четверти XIX в. родом Степана Паршакова, переселившимся из древней коми-язьвинской д. Паршаковой¹. По преданиям, еще не забытым в наши дни, в пудьвинских местах сначала поселились женщины. Стража, которая их обнаружила, потребовала, чтоб они привели жить своих родственников из д. Паршаковой. Они так и поступили, иначе бы не имели возможность обосноваться в отдалении. Но некоторые возвратились на родину, жить остался только Степан Паршаков. Он получил надел в 7 статей, так как имел семерых сыновей.

Путешественник, побывавший здесь в начале XX в., писал: «В замечательно живописной местности заброшена эта деревенька,